

«Совместно с жизнью прижитые дети –
 Дворы и бабы, галки и дрова».
 Он близится к сорокалетию,
 И явствен личности масштаб.
 Его «влюблённому пространству»
 Мог позавидовать любой.
 Он видит бытия изнанку
 И много были бытовой.
 В «Спекторском» он даёт оценку
 Семнадцатому году откровенно,
 Как будто век поставил к стенке
 Поэта – и простил на время.
 Он чуждым чувствовал себя
 Происходящим переменам,
 Он чуждым был и временам,
 Когда латыни грыз учебник.
 Был от картавости восторг,
 Но постепенно постигал он,
 Что всё-таки произошло,
 Какая разыгралась драма.
 Судьбы отдельной драматизм
 Совпал с коллизией истории,
 И этот Бытия космизм
 Поэтом воплотился в слово.

В преамбуле к «Спекторскому» – о чём он?
 Об одиночестве, конечно,
 Хоть приспособливаться пробовал:
 «Наркоминдел» – забытое словечко.
 Он стал как будто опредмечиваться
 И должностями обрастать.
 Всё меньше становилось вечности
 В его свидетельствах-стихах.
 По-прежнему метафизичен –
 С космизмом всё же поскромней.
 Становится к себе критичен, –
 Мол, рифм слишком много съел.
 Осознаваемая чужесть
 Меняла ритмики настрой:
 Он всё конкретнее, причудой
 Экстаз казался молодой.
 Уже семейством обзавёлся –
 Жена при нём, и всё всерьёз.
 О, книг пленяющая вёрстка,
 Страницы почерк наискось...

Роман в стихах!
 По-пушкински хотелось!
 Эпохи крах
 Запечатлел он.
 В чём текста стержень?
 И кто в героях?
 Былое время?
 Природа? Город?
 Фортепиано,
 Когда на клавиши
 Эпоха падала,
 Как было давеча?

* * *

«История не в том, что мы носили,
 А в том, как нас пускали нагишом».
 Подходит он к истории интимно,
 Во всём блюдя своё родство.
 «Совместно с жизнью прижитые дети –
 Дворы и бабы, галки и дрова».
 «И вот заря теряет стыд девичий» – это
 Побочного потомства час настал!
 Так лично к истории, наверно,
 Никто ещё не подходил!
 Нагими мы встречали время,
 Когда нам врезали под дых.
 Сказали нам, что оккупанты,
 И в этом сызмальства вина.
 На нас наехали нахрапом,
 А мы – в чём мама родила!
 Нам кожанки Страны Советов,
 Костюмы чёрные чинуш
 Чужие по менталитету,
 От них нам кукиш, а не куш!
 Мы заседали в кочегарках,
 Мы в дворниках ходить могли
 И вина пили мы без марки,
 Не знавшие своей вины.
 Кто новыми стихами грезил,
 А кто копил на саксофон.
 Нас всех хотели обезвредить:
 Мы были лучшею из фронд!
 Потом настало беловежье,
 И трое, будто с бодуна,
 Державы разрубили стержень,
 Всю атрибутику поправ.
 Тогда нам быстро объяснили,
 Отправив всю страну на слом:
 «История не в том, что мы носили,
 А в том, как нас пускают нагишом».

О чём он говорит в «Спекторском»?
 О времени и временах,
 И чуется дыханье Рока
 В его свидетельствах-стихах.
 И весь разрушенный уклад
 Остался нерушимым в строчках:
 Здесь много учатся, шумят
 И пробуют любовь на ощупь.
 Пройдёт не так уж много лет,
 И станет жить при новом строе,
 Когда столь важен партбилет,
 Только не каждый удостоен.
 Чужую утварь разбирать
 Направили писателей союза –
 Писатель понял, что чужак,
 А думал, что кому-то нужен.
 Здесь экзистенциализм,
 Хоть Жан-Поль Сартра нет в помине:
 Так хочется произнести
 Кому-то: «Ад – это другие».
 Здесь очень искрен Пастернак,
 Не льстив нисколько в интонациях,
 И драматизмом Бытия
 Насыщена труда развязка.
 От чар он начал прозревать,
 Но оттого ему не легче,
 И, как бы ни был в жизни слаб,
 Здесь честен оказался в тексте.

* * *

Не класс сегодня поглощает единицу,
 Как некогда написано в «Спекторском»,
 Но сила безымянная глумится,
 Нас поглощая, не щадя нисколько.
 Уродливые формы выставляя,
 Порока обнажая изъязвления,
 Святое в нас уничтожая
 Без возвышающей идеи.
 Да, утопичен был социализм,
 Но то, что происходит ныне,
 Заводит человечество в тупик,
 Не предьявив альтернативы.
 И личность нивелируют,
 Только совсем иначе –
 Нас в цифровые игры
 Заводят, как незрячих.